

№ 3

16 февраля

5 коп.

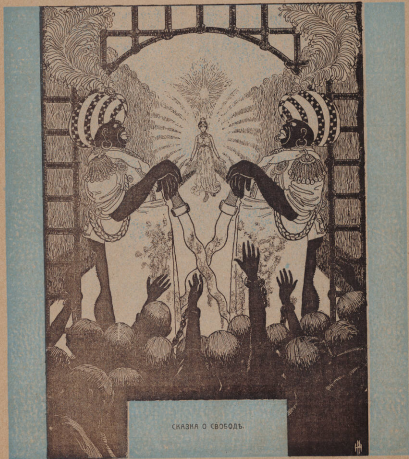
МАСКИ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1906

СКАЗНА О СВОБОДѢ

Мeсть.

(Средневековая баллада.)

Сверкает въ замкъ праздникъ брачный,
Въ немъ пиръ кассаловъ и князей.
Но съ нами смерть и ужасъ иранный
За гибель братьевъ и друзей.

* * *

Смѣлай, друзья полночной мести!
Идите здѣсь—въ тѣни ограды.
Они въ чадѣ вина и дести,
У нихъ веселыя маскарады.

* * *

Нѣмъ въ праздники лѣнивой,
Уснула стража у дверей.
Ночная тишь дрожитъ лугливо...
Скорѣй, товарищи, скорѣй!

* * *

На дискъ луны, большой и странной,
Прозрачно сумракъ набѣжалъ...
Насъ не обманетъ часъ тужанный,
И не извинитъ намъ князья.

* * *

Трепещутъ пнистыя урны...
Веселый звонъ стихаетъ идуть...
Шипя, струится сокъ пурпурный
Изъ помертвѣвшихъ блѣдныхъ рукъ.

Созрѣла мeсть! Сверхилось дѣло,
Угасъ послѣдній свѣтъ надежды,
И тѣло женщины оцѣмѣло
Въ безстыдствѣ соразанныхъ одеждъ.

* * *

Убить намъ Ульрихъ, воронъ черной,
Среди рабовъ и блудныхъ женъ...
Онъ, малодушный и прятворный,
Былъ первымъ въ сердце пораженъ!.

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОРЪ

Дѣтскія игрушки.

Собрались нѣсколько мальчиковъ.

— Давайте играть въ министры!

— Давайте, давайте!

— А какъ?—спросилъ маленький Сережа.

— Слушайте: ты, Ваня, будешь министромъ просвѣщенія—возьми гитару, заложь ногу за ногу и кури. Шура будетъ юстиція, а Петя, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, будетъ водить Шуру на веревочкѣ и на всякъ рычать. Ты, Сережа, будешь председателемъ...

— Не хочу,—перебилъ, Сережа и захихикалъ: не хочу и не буду!

— Почему?

— Я... врать... не умѣю!

Отклики.

Въ старомъ домѣ гробъ и вечернее мерцанье...
Свѣтъ озаряютъ чьи-то мертвые глаза...
Стиснутые губы затаяли восклицанье...
Дѣвочка убитая... надъ нею образа.
Шла она по улицѣ съ толпой людей усталыхъ,
Грязныхъ и замученныхъ застѣвками труда...
Гринуль залтъ откуда-то—и люди въ лужахъ
алыхъ

Судорожно бились и смолкали навсегда.
Вновь ударилъ залтъ, и—накъ раненая птица
Дѣвочка упала и металась на земль...
Ночь покровы бросила на стынущія лица—
Скрила преступленіе въ нависшей черной мглѣ...
И два дня искала мать пропащую въ боль-
ницахъ,

Въ сумрачныхъ мертвецкихъ, наконецъ, нашихъ...
Слезы задрожали на заплаканныхъ рѣсницахъ...
Были окровавленны недвижныя тѣла.
Умоляла выдать дочь, и въ жуткомъ ожиданьи
Цѣловала тусклые, застывшіе глаза...

Въ старомъ домѣ гробъ... и тяжелыя рыданья...
Дѣвочка убитая... надъ нею образа...

ЯНОВЪ ГОДИМЪ.

Искры.

На урокъ географіи.
— Какой поясъ охватываетъ Россію?
— Саяный тугой.

— Мы—кровяные русскіе!—говорили съ гор-
достью остзейскіе бароны, отыскавъ ключъ къ
замку.

Въ кабинетѣ особы.
— Это, Ваше—ство, пре... красивый человекъ...
— Увольте. Мнѣ нужны беззащитные люди.

Барыня. Гдѣ сережка?
Лакей. Въ кабинетѣ-съ.
Барыня. Развѣ нѣсто сережекъ въ каби-
нетѣ? Въ ухо надо...

— Любимое занятіе російскихъ сатраповъ—
искать въ головахъ!—замѣтить зекатный путеше-
ственникъ, наблюдая наши нравы.

Какое сходство между блуглой и свободой?
Ту и другую бьютъ острогами.

Го графъ Ниродъ былъ, а теперь и графъ
Иродъ обзавился.

Вы жертвою пали въ борьбѣ революц...

При встрече.

— Когда же выборы в Думу?

— Да разве жандармы не всёх еще вы-
брали?..

— Передь обыском—солдаты на часах, послѣ
обыска—часы на солдатах.

Въ амбулатори.

— Кожики въ животъ...

— Отъ кожики и живота лишаются!..

Адмиралъ Дубасовъ въ короткое время кровно
родился съ Москвою... Что значить «истинный
сынъ»!..

На телеграфѣ.

— Телеграмма върно поданная?

Чиновникъ. Иванъ и не признаема.

МСТИСЛАВЪ.

Передь обыскомъ.

Поздній вечеръ.

На столѣ будильникъ съ остерсеніемъ от-
биваетъ:

— Такъ-такъ! Такъ-такъ!

Иванъ Михайловичъ ходитъ изъ угла въ уголъ
и въ тактъ ему борочется:

— Ъхаты, такъ ѡхаты; ѡхаты, такъ ѡхаты!

Жена въ утренней кофточкѣ, съ расстегну-
той прической, съ снимки кругами около глазъ
сидитъ на полу передь комодомъ и торопливо
складываетъ изъ него разбросанное по всей ком-
натѣ блага.

— Ничего тамъ?—спросилъ Иванъ Михайло-
вичъ, останавливаясь около нее и кивнуть голо-
вою на комодъ.

— Ничего.

И опять будильникъ отбиваетъ:

— Такъ-такъ!

И снова Иванъ Михайловичъ заходилъ по
комнатѣ.

— Ъхаты, такъ ѡхаты.

— Ваня! А газеты?—спрашиваетъ жена.

— Газеты? У насъ есть газеты?

— Цѣлая пачка... въ кухнѣ.

— Сжечи! Сжечи! Вѣдь я говорилъ уже. Зина!

— Ну я сейчасъ... и скажу Агашѣ,— и она
направилась было въ кухню.

— Вотъ и глупая, вотъ и ничего не понима-
етъ!—остановилъ ее Иванъ Михайловичъ.—Даря,
въ можно теперѣ! А придуть? Топится печь... Ахъ-ахъ.

Онъ схватился за голову и еще быстрее за-
бѣгалъ по комнатѣ.

— Агаша! Позови Агашу.

— Вотъ что, милая,—обратился къ ней
Иванъ Михайловичъ,— вы возьмите тамъ газе-
ты,—вѣдь, что есть въ кухнѣ, инесите вникъ,

въ лавочку. Лавочникъ просилъ, чтобы им ему
продали ихъ... на завертку.

— Хорошо, баринъ...

— Но стойте, стойте! Тамъ есть съ ша-
рѣлками... Ключи шарѣлки—такъ вы скажите,
что это Миша блондаль и рѣзалъ. Обязатель-
но скажите... Шалуны, молъ мальчишки, сидятъ и
рѣжутъ. Такъ и скажите...

Когда за Агашей хлопнула дверь, Иванъ Ми-
хайловичъ пошелъ осмотрѣть кухню и—о ужасъ!—
на стѣнѣ, какъ разъ противъ двери, висѣлъ проти-
вень—жесткая доска, на которой Агаша
векла такіе вкусные пироги. Иванъ Михайловичъ
схватилъ его и бросился въ столовую.

— Зина! Что ты дѣлаешь? Что это такое?—
спрашивалъ онъ, махая передь ней протяженнымъ.

— Пиро... гя...

— Пирогов! Да это тектографъ! Понимаешь?
Вѣдь я тебѣ недавно читалъ, что это тектографъ.

Берутъ жидкость сваренную, наливаютъ ее вотъ
на такой листъ, она застываетъ и печатаютъ,
печатуютъ, печатаютъ... прокламации...

— Ну, Ваня! Спрощемъ, куда? Скорѣе, говори.

— А! Теперь все равно, все равно! Позови
дворника!

Дворникъ пришелъ.

— Семень Ефремовичъ, вы, вѣроятно, знаете
тутъ гдѣ-нибудь по близости слесаря?

— Знаю, баринъ...

— Такъ вотъ, пожалуйста,несите ему почи-
нить этотъ листъ... придлать... ручку что ли?
Зина! Да-да! Ручку... повожимъ, тутъ есть одна...
ну-да... еще одну вотъ тутъ... сбочку... ручку.
Вотъ-вотъ, Семень Ефремовичъ. Пусть придѣ-
лаетъ сбочку. Снесите поскорѣе.

— Хорошо, баринъ.

— Уфъ!—облегченно вздохнулъ Иванъ Ми-
хайловичъ, когда дворникъ вышелъ.—А все-таки
убуд. Видитъ Богъ, убуд! Миша спитъ?

— Спитъ.

— Во! «Бульте какъ дѣти»—такъ, Зина,
сказать Христосъ.

— Такъ что же?

— Ну и «блаженія чистѣи сердцемъ»...

— Если бы такъ! но... иродоно избѣненіе жва-
денщя...

И вдругъ будильникъ, какъ сумасшедшій, за-
стучалъ огушительною, звонкою пробойю.

Иванъ Михайловичъ побѣднѣлъ, присѣлъ на
корточки и крикнулъ:

— Пришли... обыскъ... голубчикъ... начинается.

Его жена страля, безвольно раскинутъ руки...

А когда порывъ ужаса прошелъ, Иванъ Ми-
хайловичъ злобно подбежалъ на ноги и изво всей
мочи ударилъ кулакомъ по будильнику.

— Проклятый!.. Я съ ума сойду...

С П-ОВЪ

Новая порода хищников изъ, порою барсов—Кавказ-барсы. Обитают на кѣхъ въ Одессѣ, провозводятъ, мудръ и обладать всѣми качествами государственнаго деятеля. Находить, что судъ—вещь изощренъ, а во избѣжанъ частыхъ «судебныхъ ошибокъ», легче и проще прожить смертную казнь, безъ суда.

Изъ Гейне.

(По поводу 50-лѣтїи со дня кончины
«Deutschlands», XIII.)

Завѣса тумана раздвинулась вдругъ—
И, грубой рукой смастеренный,
Весь розовый, выступилъ образъ того,
Кто умеръ, къ кресту пригвожденный.

Когда я, сородичь, взглянулъ на тебя,
Скорбитъ мое сердце глубоко:
Людское отродье хотѣлъ ты спасти—
И какъ поплатился жестоко!

Верховный советъ учинилъ надъ тобой
Безспорно постыдное дѣло;
Но церковь и строй государственный все-жъ
Громилъ черезчуръ ужъ ты смѣло.

Въ тѣ дни не родился еще Гуттенберъ
И не было книжной печати:
Иначе бы ты навѣ ученѣе свое
Повѣдалъ въ печатномъ трактатѣ.

Чтобъ землю ничѣмъ оны обидѣть не могъ,
Въ немъ сдѣлалъ бы цензуръ изъятъ—
И доброй цѣнауръ десница твоя
Напрѣсно спаса-лъ отъ распятѣя...

Ахъ, если-бъ въ нагорную проповѣдь ты
Вложилъ содержание нисе
И невозможной жизнью извѣстныхъ людей
Оставилъ бы вовсе въ покоѣ!

Мнѣхлз, лихоничевъ и прочихъ когда-бъ
Не выпалъ бычонъ ты изъ храма,
На каждомъ шагѣ не томилъ бы насъ
Печалю галгооская драма...

в. с. ЛИХАЧОВЪ.

Изъ разговоровъ.

— Итакъ, въ Россїи восстанавливается крѣ-
постное право?
— Подnote! Что вы!
— Да какъ же: только о крѣпостяхъ и слы-
шишь—даже нѣсколько новыхъ, говорятъ, соби-
раются строить!

СОТНИКЪ.

Я воинъ: сотникомъ доискомъ.
Тебя когда-то называли,
Казакомъ храбрымъ и лихимъ
Тебя товарищи считали.

Вскочилъ на рѣзаного коня,
Ты гарцевалъ впрѣдъ вражьиимъ станомъ.
И въ пламя адскаго огня
Въ атаку несся ураганомъ...

То было много дѣтъ назадъ—
Межъ тѣмъ судьба тебя искала:
Схватилши множество награды
И чинъ почтенный генерала,

Ты снова въ станъ боевой—
Въ борьбѣ съ крамольникомъ тлетворнымъ;
И мы опять тебя зовемъ.

Все тѣмъ-же сотникомъ, но—чернымъ...

Юр. П.

До реакціи.

(Пародія)

Духъ свободы... Къ перестройкѣ
Вся страна стремится,
Полицейскій въ грязной Мойкѣ
Хочетъ утопиться.

Не топнись, охранный воинъ,—
Воля улыбнется!
Полицейскій! будь поконенъ,—
Старый гнѣтъ вернется...

САША ЧЕРНЫЙ.

5 Февраля 1906 г.

М А С К И.

На зарѣ.

Задача.

Среди волнений и тревог,
Весна мудреная задача —
Найти в России уголок,
Гдѣ нѣтъ ни скрежета, и плача;

Гдѣ произвола тяжкій гнетъ
Не задушил еще народа;
Гдѣ, вмѣсто множества «свободъ»,
Одна, но вѣрная свобода;

Гдѣ безъ насмѣшки говорятъ
О просвѣщеніи, о школахъ,
И гдѣ опричниковъ отрядъ
Не безобразничаетъ въ селахъ;

Гдѣ для преступниковъ—тюрьма,
А правыхъ на цѣль не сажаютъ;
Гдѣ обмывателя въ дома
Шута изъ пушекъ не стрѣляютъ;

Гдѣ «чрезвычайный» генералъ
Не видитъ въ казняхъ наслажденья;
Гдѣ не смеяютъ за Уралъ
Людей—за слово убивающа;

Гдѣ въ три победы не гнутъ;
Казакъ прохожаго не хлещетъ,
И Карлъ Аналія Грингмутъ
Зубами дико не скрежетаетъ...

Юр. П.

Полковъ. Податской полиційскей
стеръ не разбиралъ къ постановкѣ
«Гора отъ ума». (Изъ газетной хроникѣ).

О ты, порядна стража полтавскій,
Въ своемъ усердіи ты великъ,
«Какъ цензоръ старшій и заправскій,
Кромомъ суть чутьемъ проникъ.

Ужъ много лѣтъ на нашей сценѣ
Игралъ «Горе отъ ума»
И прусудитъ ея къ отбѣнѣ
Цензура даже не могла

Но ты ведешь себя прамѣрно
Завидно вчужь твой удѣлъ:
Ужъ отъ ума-то ты навѣрно
Ни разу юра не терять.

П.-Р.

Редакторъ-издатель С. В. Чехонинъ.

Принимается подписка на 1906 г.

НА ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

2-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

ЗРИТЕЛЬ.

2-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

Выходить ежедневно. Разрешено въ краскахъ.

Въ виду приближенія «ЗРИТЕЛЯ» предъ къ судьбамъ притворна, котора журналъ возика къ соглашенію съ которой журналъ МАСКИ, которая обмывалась удовлетворять подписчиковъ «ЗРИТЕЛЯ». Подписка цѣна съ перес.: на годъ—1 руб. 60 к.,—1 руб. 75 к., 3 мѣ.—1 р. Для годовыхъ допускается разсрочка: при авансѣ—2 руб. и 1 руб. къ 1 мая. Подписной годъ считается съ 1 января 1906 г.

Секретарь редакціи принимаетъ ежедневно кромѣ праздничныхъ отъ 3—5 часовъ.

Кварталъ «Зритель»: Петербургъ, Невскій, 23.

Открыта подписка на 1906 г.

на новый литературно-художественный журналъ сатирической и общественной сатиры

Альманахъ.

Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ размѣромъ около 70 страницъ съ рисунками и иллюстраціями въ краскахъ. Цѣна на годъ безъ доставки одинъ рубль, съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к.

Отдѣлано № 20 кав. Кварталъ «Альманахъ»: Петербургъ, Невскій, 23.

Типографія Я. БАЛАНСКОГО, Сиб. Забаванскій. пр. 13.

Венецкія
Library
2006
453
1:3